

К. Д. НИКОЛЬСКАЯ

ДОРОГА С ОТЦОМ

*Душа наша – корабль, идущий в Эльдорадо.
В блаженную страну ведет – какой пролив?*

Шарль Бодлер

Мне уже доводилось делиться своими воспоминаниями об отце¹. И сейчас я повторюсь: писать о нем как об ученом, я думаю, не моя задача и не мое право. Для этого есть его коллеги и друзья «по цеху», которые, конечно, сделают это лучше меня. Мои воспоминания о нем – мое детство. То, что я так хорошо это детство помню, – во многом его заслуга. Хорошо помнится то, что было ярким и необычным. Яркой и необычной жизнь человека делают люди, которые его окружают. Именно они – их слова, поступки, лица – создают те воспоминания, те картинки, которые мы проносим через всю нашу жизнь. Почти во всех моих воспоминаниях ранних лет жизни есть он, больная я или здоровая, веселая или грустная, дома или в поездках – все время вижу и помню его присутствие. Поездки и путешествия с отцом – пусть об этом и вспоминается здесь!

Д. С. Раевский

Их – поездок и путешествий – было много. Пока была возможность, пока позволяло здоровье, когда хватало времени и денег, отец рвался в дорогу. В путешествии папа всегда преображался, даже если оно ограничивалось московскими улицами. Всегда гордившийся тем, что выглядит старше своих лет, отправившись в путь, он моментально молодел и веселел. Тут же начинал искать приключения, придумывать авантюры и организовывать импровизированные кутежи, а при возможности еще и петь (что очень любил, хотя совершенно не умел). Спонтанные подарки, сюрпризы, лакомства, шутки – вот то, что всегда в избытке было в наших с ним поездках и походах.

Я часто думаю: что было бы, имей мои родители те возможности, которые есть у нас сейчас для путешествий? До меня долетали только

¹ Никольская К.Д. О моем отце // Scripta antique. Том IV. М., 2015. С. 263-278.

отголоски приключений, которые они пережили за те шесть лет, что провели вместе до моего рождения. Истории про одну тарелку лагмана на двоих в день (на большее не было денег), про ювелиров на среднеазиатских базарах (которые по папиному заказу из двух старых ложек делали для мамы сказочно прекрасные украшения), про ночевки в древних пещерных городах (где по ночам раздавались звуки едущих по камням телег, а в глубине пещер зажигались мутные огоньки несуществующих свечей), про родники в крымских горах (которых нет ни на одной современной карте). Со временем эти истории не растеряли красочных деталей – напротив, обрели некую законченную форму, превратившись почти в литературные произведения.

Когда-то еще в детстве я с грустью посетовала на то, что никогда не была заграницей. Папу, видимо, это сильно задело, и он, как часто бывало при его взрывном характере, «вскипел». Откипев и успокоившись, заметил: у нас, здесь, столько прекрасного, мне неведомого, что странно так мечтать о других странах. Не думаю, что он лукавил. Ему это было совершенно несвойственно. Просто он был в этом совершенно искренне убежден. У него, действительно, был особый дар: за неимением возможности оказаться за границей находить здесь и сейчас прекрасное, интриговать этим прекрасным и себя самого, и своих спутников.

Скрупулезно по картам и книгам он исследовал каждый пяточок будущего маршрута. Карты и книги в доме были всегда. Атласы – старинные и современные, общие и региональные – лежали в ящиках его массивного стола. Вместе с черно-белыми фотографиями разных лет и разных поездок – до меня и со мной, семейными и экспедиционными, вместе со старым фотоаппаратом «Зенит» и черной полевой сумкой. Книги-путеводители коллекционировались и выставлялись аккуратными рядами на пыльных книжных полках. Я хорошо помню: их было две серии – «маленькая белая» (в твердой обложке) и «маленькая желтая» (в мягкой).

Впервые из страны папа выехал только в 1986 году, когда полетел в Болгарию. Там же он побывал еще раз года через два. А в самом начале 90-х ему довелось съездить в Испанию. Собственно, все. На этом закончился его «внешний опыт». Большого он не успел – помешали затяжные болезни и слишком ранняя смерть. Я успела начать свои самостоятельные странствия еще при его жизни. По тому, с каким замиранием он рассматривал мои фотографии и выслушивал рассказы, я понимала, как не хватает ему этого волшебного ощущения приключений. Разъезжая сейчас по разным странам, я невольно мысленно прикидываю, что бы подумал и сказал папа, если бы увидел то, что вижу я. Мы как будто продолжаем с ним вместе то путешествие, которое началось еще в моем детстве.

А к т I. Путешествие из-под стола. Москва

Папа хорошо знал город. И часто бродил со мной, совсем маленькой, по его улицам. Шли ли мы куда-то, шатались ли бесцельно, – все равно получалось Приключение.

Прогулки, которые я помню из раннего детства, ограничивались мирком маленького ребенка – пропахшая мазутом березовая роща вдоль железнодорожного полотна, псевдолес, примыкавший к чертановским новостройкам, сретенские переулки, Царицыно. Сохранились у меня и смутные воспоминания о папиных рассказах, которые тогда, в соответствии с моим возрастом, больше были похожи на сказки: про капризную царицу, которой никак не могли угодить строители, про ослепленных мастеров, построивших жестокому царю прекрасную церковь, про встречу маленького Пушкина с императором Павлом.

Но самое первое и, наверное, самое светлое воспоминание о наших прогулках – разговор с ветром. Мне года два или три. Папа ведет меня за руку, держа в другой руке мою красную лопатку. Я разговариваю с ветром, а он, не разжимая губ, отвечает еле слышным заунывным голосом, не поворачивая головы в мою сторону:

– Ветер, ты слышишь меня?

– Слы-ышу-у-у...

Д. С. Раевский с дочерью Ксенией

– Ветер, а почему я тебя не вижу?

– Не ви-и-идишь, но я zde-есь...

Эти диалоги продолжались часами. «Ветер» был необыкновенно терпелив. Терпеливее папы, потому что по многу раз отвечал на одни и те же вопросы и совсем не раздражался, если они были глупыми.

Летом и осенью отец вывозил меня на электричке в близлежащие леса за грибами и щавелем. До сих пор названия этих подмосковных станций, где и лесов-то, наверное, уже не осталось, звучат для меня музыкой. А картинки в памяти перемешиваются с черно-белыми фотографиями в альбомах.

В Москве у отца были любимые дворы и закоулки, а к каждому из них – своя история. Он делился со мной этими историями щедро и с каким-то особым жаром. Жалею, что ни он, ни позже я их не записали. Соберись я это сделать теперь, вряд ли что-то получится.

Чаще других наших маршрутов я вспоминаю путь, пролежавший от Чистых прудов через переулки. По пути мы неизменно навещали отцовских тетку и дядьку (как он их сам называл) – из числа немногочисленных родственников со стороны матери, умершей еще в войну, но успевшей дать ему свою звучную фамилию. Побывав у них, обыкновенно шли дальше. Через магазин «Табак» и палатки с мороженым. Именно во время таких прогулок мне часто перепали лакомства, находящиеся под официальным запретом в семье, главным образом из-за сомнительности своего происхождения: ядовитого цвета петушки на палочках или длинные тонкие конфеты, завернутые в пачкающуюся пеструю фольгу, которыми торговали бабки с рук. В конце концов, «кутить, так кутить»!

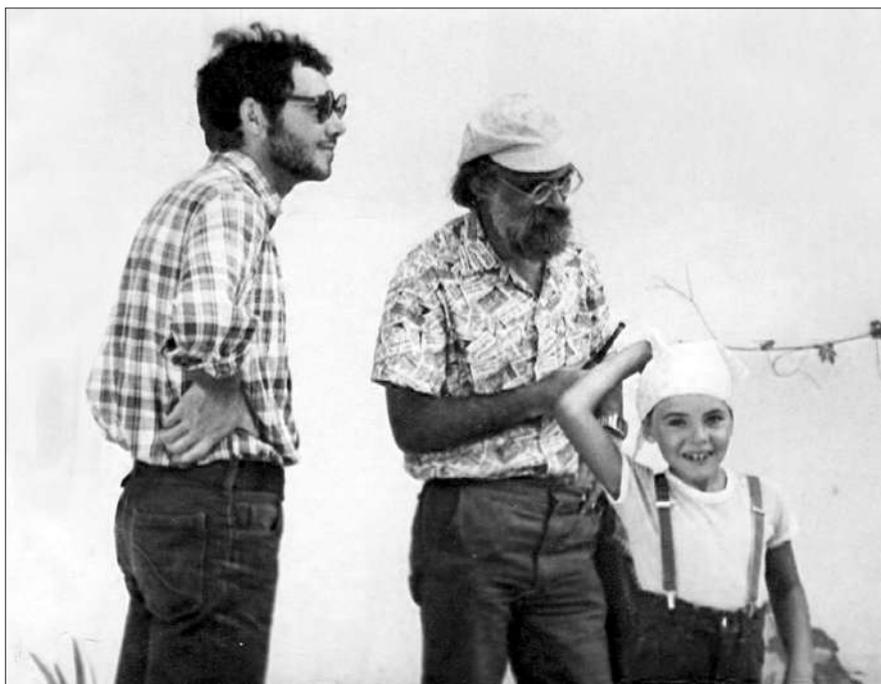
Как-то во время одной из таких прогулок зашли к его давнему соавтору и другу М.Н. Погребовой, тогда еще жившей в районе Сретенки. Этот визит запомнился: почему-то папа взялся стрелять по мишени из пистолета. Хорошим зрением он не отличался никогда. Потому очень скоро прострелил стену на существенном расстоянии от той точки, в которую целился. Дырка получилась внушительная! А сейчас нет ни этой стены, ни самого этого дома на карте Москвы.

Еще я хорошо помню одну очень короткую прогулку. Предыстория ее такова. Лет с четырех я, как и все советские дети, гуляла во дворе одна. В тот год летом мы с папой долго жили вдвоем (мама, кажется, лежала в больнице). В один прекрасный день, явившись домой к обеду, я с гордостью сообщила, что сыта, потому что уже поела на улице – «волчьих ягод». В кои-то веки здравый смысл изменил папе: вместо того, чтобы посмотреть на плодоносящий куст, он, побледнев как бумага, посмотрел на меня – стал щупать мне пульс, трогать лоб, попросил показать язык. Следующая неделя была

похожа на фантастический сон: в ожидании проявления симптомов тяжелого отравления папа исполнял малейшие мои прихоти. Слабым голосом я время от времени сообщала, что вот прямо сейчас не отказалась бы, наверное, от мороженого, или не прочь была бы сходить в кино, напоследок, так сказать... Сон закончился внезапно. Как раз во время прогулки с папой. Проходя мимо палисадника, я указала ему на злосчастный куст. Не то чтобы папа был силен в ботанике, но то, что перед ним не волчьи ягоды, а простая ирга, понял моментально. На этом прогулка, собственно, и закончилась. Папина нервная система совершенно ожидаемо дала сбой. Как говорится у Марка Твена: «опустим же завесу милосердия над концом этой сцены!».

А к т II. Вперед и вверх. Крым

Наши поездки в Крым начались очень рано. С целью вылечить мои больные уши родители увозили меня под Евпаторию на все лето, начиная с двухлетнего возраста. От самой первой поездки воспоминания остались смутные. Галька на пляже, белая пена в прибое, гнилостный запах лимана (вымазанные лиманной грязью люди снились мне потом все детство в ночных кошмарах), ленивые крымские коровы, рожи серебристого лоха и юркие пестрые удода.

Д. С. Раевский с дочерью Ксенией. Крым. Лето 1981 г.

Правда, тогда же я получила и первые представления о том, что такое быть археологом. До того момента я была твердо уверена, что папина работа – это сидеть за столом с трубкой в зубах и с утра до вечера стучать по клавишам Ундервуда. Оказалось, все гораздо интереснее! Прыгать с блоком и рейкой по глубоким ямам, наполненным пыльными камнями и битой посудой, – это тоже его работа. А еще зычно кричать: «Перекур!», «Конец перекура!», «Шабаш!»... Я отчетливо помню, что именно в Крыму меня научили читать: одна из первых надписей, которую я прочитала в два года по слогам, была нанесена черной краской на ящик, стоявший на «керамичке» – «Кости Раевского».

Уже во вторую поездку ситуация поменялась. Из экспедиционного лагеря меня, спасая от эпидемии кори, родители увезли в горы. Здесь не было ни коров, ни лимана, ни моря. Все было совершенно другим: запустевшие фруктовые сады, светлячки в траве вдоль дороги по вечерам, родниковая вода и полное отсутствие людей. Ночевали в спальных мешках под открытым небом. Мешков было три: мой – светло-зеленый, мамин – темно-зеленый, отцовский – коричневый. Все три крымских мешка пережили мое детство и затерялись где-то на даче уже в 90-е годы. На папином потом много лет спал его любимый пес Смок. Кстати, имя свое он получил потому, что книга Джека Лондона об одноименном путешественнике и

Крым, Майгуп. Лето 1981 г.

золотоискателе была прочитана мне отцом так, что моментально и навсегда стала любимой.

Все же главным были сами горы. Я видела их впервые. И они казались мне очень страшными, полными мрачного волшебства. В сочетании с выселенными деревнями и одичавшими садами они представлялись необитаемой планетой. Отец рвался вверх, по давно и хорошо знакомым ему тропам, я же упиралась, как могла! Снизу казалось, горы плоские, как будто вырезаны из темного картона. И поверить, что на вершине можно удержаться, не свалившись с ее острого ребра вниз, было совершенно невозможно. Ни за какие сокровища я не соглашалась проверить это опытным путем. Пусть папа, если хочет, залезает наверх, пожалуйста, я подожду его здесь, внизу и посмотрю, как это у него получится.

Отец пошел на хитрость. Да, конечно, никто и не собирается карабкаться по этим отвесным склонам! И, заговаривая мне зубы, он прогулочным шагом повел меня по хорошо утоптанной тропинке. Я не помню, что именно он тогда рассказывал несколько часов подряд, но по окончании рассказа оказалось, что мы уже наверху. И стоим вовсе не на остром ребре, а на ровной и гладкой каменной площадке.

Еще раз в горы отец отвез меня уже в восьмилетнем возрасте. Это путешествие запомнилось ясно и в деталях. Крым той последней поездки в общем уже соответствовал тому, каким я его вижу и теперь. Только тайный папин родник в горах я так и не смогла найти.

А к т III. Море и дюны. Прибалтика

В Латвии жили папины родственники, и по совместительству большие друзья. Потому возить меня туда начали рано.

Первая поездка запомнилась особо. Но не красотами старой Риги и не звуками органа в Домском соборе. А как раз Приключением. Приключение состояло в страшных морозах, которые случились в районе Новогодних праздников. Температура на улице прекрасно гармонировала с температурой в поезде, который не отапливался. Достаточно сказать, что поужинать вечером не получилось, потому что колбаса и яйца замерзли настолько, что не резались ножом. В дополнение к этому в четырехместном купе оказалось семь пассажиров. У кого из нас были настоящие билеты, выяснить так и не удалось. Зато впервые меня уложили спать на верхнюю полку. Папа же на этой полке служил загородкой, чтобы я не рухнула с высоты вниз на пол.

Когда ночью холод стал по-настоящему зверским, отец подвязал мой матрас одеялами наподобие люльки, а меня завернул в свой полушубок так, что торчал только нос. Сам же всю ночь в одном пиджаке и шапке бегал по

коридору вагона взад и вперед, пытаюсь согреться. Эффектным завершением путешествия стало то, что на подъезде к Риге паровоз попросту примерз к рельсам. Самое удивительное, что в результате этого приключения никто из нас, даже отец, не простудился.

Две другие поездки с папой в Прибалтику случились уже во второй половине 80-х годов. И запомнились совершенно другим – рассказами про репрессированных родственников, Балтийским морем, долгими разговорами. А еще грандиозной ссорой: папа строго-настрого запретил мне идти в театр на «Дон Кихота» в джинсах. В том, что касалось одежды, он был настоящий консерватор. В театр на вечерний спектакль? Только в юбке!

Так случилось, что большая часть моих прибалтийских путешествий происходила уже в самостоятельной жизни – сначала с мужем, потом со старшим сыном, а потом и с младшим. Но ощущение старой Риги, дом с черными котами, черничный суп, старые кладбища, привычка говорить «палдиес» вместо «спасибо» и «атаа» на прощание, – все это осталось от поездок с отцом.

А к т IV. Леса и озера. Карелия

Карелия – совершенно отдельная страница наших путешествий, не похожая ни на какую другую. Начиная с конца 70-х годов, один из летних месяцев мы проводили в деревне Машезеро в 30 километрах от Петрозаводска, ведя «первобытный образ жизни» и питаясь тем, что собирали в лесу и ловили в озере. Отчетливее всего от этих поездок почему-то запомнились запахи и вкусы: болота, клюквы, серебристого хрустящего мха на кряжах, озерной воды с оттенком зубной пасты «Помарин», черного хлеба на дне грибной корзины, свежей очищенной рыбы, сушащихся в печке белых грибов. Несколько лет спустя после первой поездки папа купил книгу карельских сказок с иллюстрациями Тамары Юфы. Они выглядели именно такими, какой я запомнила Карелию из тех поездок, и как будто даже пахли так же.

Я до мельчайших подробностей помню все атрибуты нашей карельской жизни: папин перочинный нож на веревке, которой он крепился к ручке огромной корзины; пожелтевший от времени компас, стрелка которого светилась в темноте зеленым; синие, обтянутые целлофаном упаковки табака «Нептун» (что странно – отец обычно предпочитал «Золотое руно»); деревянные дощечки с гвоздями для сушки грибов. По карельскому лесу папа ходил в плащ-палатке, с суковатой палкой и трубкой в зубах. Пробираясь по болотам, утыканным поломанными березами, или по кряжам, заросшим серебристым мхом, он, не выпуская из зубов трубки, без конца развлекал меня всевозможными историями – о своем детстве, об отступлении

Наполеоновской армии, о Первой мировой. Он отвечал на вопросы, моментально впадая в ярость от моего совершеннейшего неумения ориентироваться в мировой истории.

Там же, в Машезере отец научил меня грести. Карельские лодки – пряженки, сделанные из толстых досок, с острым килем, всегда пахнущие варом – очень устойчивы на воде. В отличие от металлических плоскодонок, они могут удержаться на плаву и в сильную непогоду. В один из дней еще рано утром мы уплыли на дальний берег озера собирать грибы и бруснику. Ясный солнечный день вдруг совершенно неожиданно сменился свинцовым маревом, а потом и сильнейшей грозой. Почти до самого вечера отец ждал, когда озеро успокоится, и можно будет отправиться домой. Идти вокруг озера пешком, чтобы утром той же дорогой вернуться за брошенной лодкой, было попросту опасно (в темноте ничего не стоит заблудиться), да и непомерно долго. Наконец стало понятно, что придется в шторм все же плыть через озеро. Сейчас я понимаю, что отцу было очень страшно. Он всегда волновался за меня даже и без повода, а здесь повод был, да еще какой! Эту переправу помню совершенно ясно: под струями проливного дождя в неизменной плащ-палатке, в мокрой насквозь кепке и залитых дождем очках, с потухшей и тоже мокрой трубкой в зубах, папа гребет, сидя спиной к противоположному берегу озера. При этом он фальшиво поет что-то боевое сквозь сжатые зубы и даже пытается шутить. Кажется, тогда я не осознавала всей опасности, по крайней мере воспоминаний о страхе не осталось. Вместо этого осталась память о Приключении. И боевом папином пении, сдобренном запахом отсыревшего табака из трубки.

На самом деле озеро казалось прекрасным всегда – и в шторм, и в штиль, без полутонов. Небо было либо темным и низким, как потолки в хрущобах, либо, напротив, – голубым до рези в глазах и необыкновенно высоким. Плавая по озеру на нашей пряженке, мы иногда приставали к островам. На самом большом из них сохранились развалины старого монастыря. Видимо именно в Карелии отец читал мне «Тома Сойера». По крайней мере, мне всегда казалось, что остров, на котором жил Том, сбежав из дома, выглядел именно так. Это ощущение накрепко засело в моей голове: когда я несколько лет назад читала Марка Твена младшему сыну, я поймала себя на том, что и сейчас вижу именно этот остров местом пристанища беглецов.

Для меня в карельских лесах была одна совершенно мистическая деталь. В самой их глубине проходила лежневка – сложенная из бревен заброшенная дорога, сохранившаяся со времен советско-финской войны. Напрасно отец пытался мне втолковать, какие события породили это сооружение. Ни в пять лет, ни в семь я так этого и не осознала. Более того, страшно его злила, требуя определенности: так, в конце концов, это была

война «с белыми» или все-таки «с фашистами»? Папины исторические экскурсии уходили водой в песок, а сама дорога так и осталась в моих воспоминаниях волшебным «мертвым царством». В подгнивших бревнах сохранились следы ушедшей жизни: запечатанные банки с тушенкой, солдатские каски, ржавые гусеницы танков и брошенные дырявые котелки. Между этими сокровищами с шуршанием ползали змеи, а из-под ног временами с всполошенным шумом взвивались в небо стайки куропаток. Мы привезли с собой в Москву плоский гвоздь – один из тех, что скрепляли бревна лежневки. Похожий на лезвие кинжала, он много лет лежал на книжной полке около папиного письменного стола.

А к т V. Долгая зима. Питер

В Питер отец возил меня дважды. Он очень любил этот город, мог ходить по нему бесконечно долго и так же бесконечно долго рассказывать. И у меня остались светлые воспоминания о наших с ним блужданиях по заснеженным улицам. Обе поездки были зимние. Первая случилась в начале 80-х. Январь в тот год выдался необыкновенно холодным. Морозы, одобренные ледяным мокрым ветром, стояли такие, что перемещаться по городу мы могли лишь короткими перебежками – от подъезда к подъезду (благо, кодовых замков тогда еще не было). Мне казалось это очень забавным. Мы обманывали погоду и природу, ускользали от нее и прятались. Это было весело! Поскольку бегали мы тогда в основном по центру города, в обеденное время путь наш неизменно пролегал через пирожковую на Невском. Вкус знаменитых пирожков и бульона в больших белых чашках крепко связался у меня тогда с папиными рассказами. Узники Петропавловской крепости, декабристы, Сенатская площадь, пушкинский рисунок с подписью «...и я бы мог...».

Вторая поездка произошла лет через десять. Я была уже студенткой, и папа прихватил меня с собой, поехав на конференцию в Эрмитаж. Времени на прогулки у него тогда было гораздо меньше. В основном я ходила по городу одна. Только по вечерам – с ним. Почему-то особенно запомнилась от этой поездки Петропавловская крепость. То, что папино происхождение никак не связано с генералом, к тому времени я уже усвоила. Зато вдруг оказалось, один из узников Алексеевского рavelина – его предок.

Я так и не полюбила Питер. Но папины рассказы всегда существовали для меня отдельно от города. Странно, я много раз бывала там потом – и весной, и летом. Но когда вспоминаю Петербург, у меня всегда встает перед глазами именно зимний город, скованный трескучим морозом и гудящий ледяным ветром.

А к т VI. Под занавес. Осетия

Три наши с папой поездки в Осетию – в 88-м, 89-м и 90-м годах – стоят в моих воспоминаниях особняком. Потому что этот мир был совершенно другим, непохожим на Крым, Карелию, Питер, Прибалтику и все другие места, где мы успели побывать вместе. Впрочем, наверное еще и потому, что случились эти поездки уже не столько в моем детстве, сколько на выходе из него. И еще потому, что, как это ни грустно, были последними совместными. Больше мы с папой вместе не ездили никогда и никуда. Потом я выросла и стала путешествовать с мужем и с собственными детьми.

В первую поездку я отправилась на две недели раньше отца. Хорошо помню, что в тот год он, приехав в Кобань, долго притворно возмущался. Безобразие! Археолог прибывает в экспедицию, и вместо того, чтобы слышать: «Так это Ваша дочь?», слышит: «Так Вы и есть ее отец?»

«Дожили! – кипятился папа. – Вот так уходит земная слава!»

Три года подряд мы проводили лето в этих прекрасных краях. Сейчас уже немного перепутались события и детали: поездки на «козликах» по Военно-Грузинской дороге, пироги фыдчин, огромные собаки, пасущие стада овец и с лаем кидающиеся на наши машины, ледяная вода горных рек, красный кирпич домов Владикавказа, маленькие желтые автобусы.

Эти три путешествия выпали на тот мой возраст, когда, с одной стороны, разговоры становятся серьезнее и сложнее, а с другой – градус конфликтов между поколениями родителей и детей достигает максимального накала. Действительно, говорили мы в Осетии больше, лучше и интереснее, чем во всех наших предыдущих путешествиях. В этом смысле это было время минимальной дистанции между нами, о чем я вспоминаю с большой нежностью. Пожалуй, именно тогда я наконец начала по-настоящему ценить отца как собеседника. И именно тогда я, кажется, впервые начала догадываться не только о широте его кругозора, но и о том, сколько глубоких и сложных переживаний доставляли ему совершенно разные, иногда не важные на первый взгляд стороны жизни.

С другой стороны, расчищая погребения, мы часто и с азартом ссорились. Особым трудолюбием я не отличалась никогда и, потеряв в подростковом возрасте всякий интерес к археологическим изысканиям, работала довольно вяло. Потому захватывающие разговоры, составлявшие наш досуг, и волшебные картины, сопровождавшие нас в тех поездках, в моей памяти перемежаются яркими воспоминаниями о наших с папой шумных ссорах. Увлеченный работой до полного самозабвения и самоотречения, он приходил в настоящее бешенство от моей лени и способности отвлечься, заболтаться, наконец, попросту улизнуть. Он просто не мог понять, как то, что мы делаем, может кому-то быть неинтересным!

Д. С. Раевский. Кобань. Лето 1990 г.

Кобань. Лето 1990 г.

Кобань. Лето 1990 г.

Рубеж 80-90-х – время минимального комфорта и довольства, в том числе и в экспедиционном быту, – вопреки этому факту оно осталось необыкновенно ярким пятном в моей памяти. Впрочем, вполне вероятно, и даже, скорее всего, это связано не столько с моим тогдашним юным возрастом, сколько с тем влиянием, которое на меня оказывал отец. Любящий при возможности и шиковать, и кутить, по необходимости он мог довольствоваться абсолютным минимумом благ: питаться, чем придется, спать, завернувшись в плащ-палатку, до самых холодов ходить в одной рубашке. И то, что для прокорма сотрудников экспедиции мы собирали грибы, а суп при помощи большого кипятильника варили из дикой алычи, совершенно не мешало ему получать удовольствие от жизни и работы. Отвлекаясь от воспоминаний, скажу, что очень благодарна ему за этот урок: он многократно выручал меня потом, в начале моей уже самостоятельной жизни, пришедшейся на 90-е годы...

Последняя из трех наших с папой осетинских поездок случилась после того, как я окончила школу, потому захватила и часть сентября. Разноцветье осенних лесов в горах, вязкая влага утренних туманов, особый запах перезревших листьев, вереницы птиц – все это превращало и без того прекрасный мир в настоящую сказку...

* * *

Сложно поставить точку, когда начинаешь вспоминать: память вызывает к жизни все новые и новые детали и сюжеты. Эти воспоминания тянутся друг за другом нескончаемым потоком и никак не могут связаться воедино.

Папа всегда был атеистом и позиционировал себя таковым публично. Но при этом мне кажется, что в глубине его души было какое-то особенное, почти мистическое чувство к ушедшим, но близким ему людям – он всегда говорил о них много и так, будто они живы. Я думаю, в его отношении к их памяти невысказанным оставалось что-то похожее на «Страну Воспоминаний» Метерлинка: каждый раз как вспоминаешь умершего дорогого человека, он просыпается и видит тебя. Я уверена, что он так думал, потому что и сама верю в это. Я вспоминала здесь всякие приятные мелочи про наши путешествия, на первый взгляд несущественные для образа ученого. Но мне кажется, именно они пробуждают и оживляют человека, делают его бессмертным в нашей памяти.